

ВОСПОМИНАНИЯ

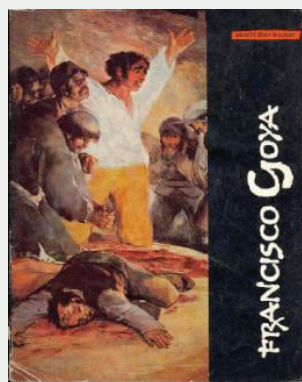
Ф. И. Каган

Каган Феликс Иосифович (Иваново, Россия) — кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Ивановской государственной текстильной академии, начальник учебно-научного центра «Наследие», заслуженный работник культуры России. — E-mail: fik35@mail.ru

МАГАЗИН КНИГ СТРАН СОЦИАЛИЗМА «ДРУЖБА» (ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Довольно скоро после поступления в университет я обнаружил в Саратове книжный магазин «Дружба — книги стран социализма». В магазине этом, а в СССР была создана целая сеть таких магазинов, я стал покупать художественные альбомы, с помощью которых мои представления о мировом изобразительном искусстве резко расширились. В издательстве «Welt der Kunst», работавшем в ГДР, вышла обширная серия альбомов, которая позволяла познакомиться с европейской живописью от средневековья до импрессионизма, постимпрессионизма и модернизма. И то, что тексты в альбомах были на немецком языке, а качество полиграфии оставляло желать лучшего, искупалось доступностью по цене и невероятно богатым по советским идеологическим понятиям того времени спектром имен и художественных явлений.

Еще одним важным источником было пражское издательство «ARTIA». Здесь тексты были тоже на немецком языке, но качество полиграфии лучше, да и выходили альбомы в твердых переплетах. Надо сказать, что процесс проникновения в СССР сведений об искусстве XX века, не укладывавшемся в рамки социалистического реализма, не был односторонним, только из стран Восточной Европы в СССР. К концу 1950-х годов и в СССР стали происходить заметные сдвиги, сказывались последствия «хрущевской оттепели». В 1959 году была издана на русском языке переведенная с английского «История импрессионизма» Джона Ревалда, а спустя три года его же «Постимпрессионизм».



Примеры альбомов репродукций издательства «Welt der Kunst» (ГДР).



Переводы на русский язык книг Джона Ревалда об импрессионизме и постимпрессионизме.

ВОСПОМИНАНИЯ

Однажды в том же магазине «Дружба» я увидел альбом, поразивший меня невиданным до того полиграфическим решением. Это были вышедшие в Праге, в издательстве «ARTIA» репродукции с гравюр японского художника Хокусая.



*Альбом репродукции с гравюр Хокусая.
Издательство «ARTIA»*

Сочетая достаточно дешевую бумагу с удивительно качественной односторонней цветной печатью на ней, альбом этот «открыл» для меня японскую культуру. Через японские «танки» и «хокку», через новеллы Акутагавы Рюноске и повести Кобо Абэ «Женщина в песках» и «Чужое лицо», через эстетику японской традиционной гравюры, неожиданно ожившей в кадрах фильма Акиро Кurosавы «Расёмон», японская культура стала для меня непреходящей ценностью.

Регулярными были встречи в магазине «Дружба» и с изданиями, знакомящими с традиционной китайской культурой. Именно здесь я покупал репродукции в виде бумажных свитков, воспроизводящих работы в традиционной китайской стилистике «гохуа». Вслед за «цветами-птицами» и «травмами-насекомыми» Ци Бай-ши внимание оказалось прикованным к творчеству Сюй Бэйхуна, которое поражало сочетанием традиционной китайской утонченности и недосказанности с экспрессией художников французского романтизма.

Отсюда оставался один шаг до интереса к ки-

тайской классической поэзии, благо, что издание соответствующих сборников стихов к описываемому нами времени в СССР уже состоялось.



Еще одна случайность связана с просмотром чешского фильма «Старики на уборке хмеля». Помню, что этот музыкальный фильм произвел на меня ошеломляющее впечатление из-за молодежных танцев, где я увидел удивительное сочетание синхронности в движениях исполнителей и нечто индивидуальное в пластике каждого, этакий «танцевальный фристайл» начала 1960-х годов. Здесь следует напомнить, что в послевоенное время в СССР был осуществлен невероятный по масштабам «массового внедрения» проект создания новой бытовой танцевальной культуры, основанной на сочетании, казалось бы, несочетаемого с советской идеологией синтеза — дореволюционной бальной танцевальной культуры и элементов традиционных народных танцев, причем заимствованных у разных народов Восточной Европы. На фоне проведенных в конце 40-х – начале 50-х годов свирепых идеологических чисток под лозунгами беспощадной борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «безродными космополитами» проект этот казался неосуществимым, особенно в масштабах такой большой страны. Впрочем, уже существовал лагерь социалистических стран. Более того, после окончания второй мировой войны на всемирной конференции молодежи за мир в Лондоне было принято решение создать Всемирную федерацию демократической молодежи. Под

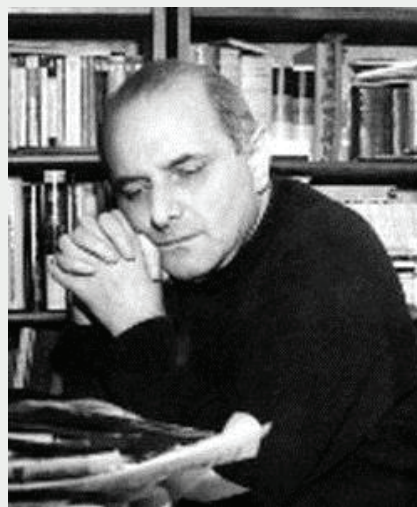
ВОСПОМИНАНИЯ

ее эгидой началось проведение всемирных фестивалей молодежи и студентов, каковые и были проведены в Праге, Будапеште, Берлине, Бухаресте, Варшаве, а в 1957 году – и в Москве. Советская молодежь как-то должна была соответствовать своим европейским сверстникам, так что проект создания бытовой танцевальной культуры в послевоенном СССР был с успехом реализован. В качестве живого свидетельства этого привожу список танцев, которые я освоил в старших классах школы, танцевал на школьных вечерах и которые умею танцевать до сих пор, хотя сейчас найти партнершу кавалеру, вплотную приблизившемуся к своему 80-летию, вряд ли реально. Итак, это: па-де-грас, па-де-патинер, па-де-катр, па-д'эспань, ту-степ, полька, мазурка, полонез, краковяк, чардаш, вальс, фигурный вальс, вальс-бостон, танго, медленный фокстрот, быстрый фокстрот. Стоит напомнить, что в СССР с 1943 по 1954 год имело место раздельное школьное обучение, так что свои танцевальные навыки мы реализовывали на вечерах в собственной мужской школе № 2 или в находившейся неподалеку школе для девочек, причем приглашения на такие вечера классная руководительница вручала персонально «за отличные успехи» и/или «примерное поведение», и она же отслеживала наше поведение на танцевальных вечерах. В 50-е годы, совпавшие с моими студенческими годами, бальные танцы как явление бытовой культуры незаметно ушло из жизни. Студентами мы танцевали танго и фокстроты на лестничных клетках университетских учебных корпусов или в «красных уголках» студенческих общежитий. И лишь по особо важным случаям устраивались вечера в находящемся неподалеку от нашего университетского городка шикарном по тем временам клубе Саратовского пограничного училища, где была возможность показать свое искусство вальсировать. Ну, а далее, в 60 – 70-е годы, как известно, пришла эпоха рок-н-ролла, твиста, шейка и «битломании», эпоха, которая не оказала на меня очень глубокого воздействия.

Очень важным источником информации в описываемое время были издания Польской Народной Республики, которые распространялись

через магазины «Дружба» и отчасти через киоски «Союзпечати». В 1950 – 60-е годы Польша считалась как бы доступной для советских людей Францией, благодаря вольностям, которые там позволялись. Я знал несколько человек, которые изучали в те годы польский язык, чтобы через польскую печать расширить свои возможности получения информации.

Самым ярким открытием явились для меня и, как думается, для очень многих, философская сатира Ежи Леца, которая поражала глубиной, непривычной смелостью суждений, филигранной точностью формулировок и непохожестью на все, что приходилось слышать и читать до этого. Через польскую печать мы получали отрывочные сведения о его книге «Непричесанные мысли», которая впервые увидела свет в 1957 году и до сих пор является бестселлером.



Станислав Ежи Лец и его «Непричесанные мысли».

Вот некоторые перлы Ежи Леца, особенно запомнившиеся с той далекой поры.

- Чтобы добраться до истоков, надо плыть против течения.
- Когда мы заселим пустыни, исчезнут оазисы.
- В начале было Слово. Только потом появилось Молчание.
- Принять лавровый венок — значит выдать размер своей головы.
- Некоторые национальные трагедии не имеют

ВОСПОМИНАНИЯ

антрактов.

- Несгибаемая позиция иногда — результат паралича.
- Хлеб открывает любой рот.
- Дон Кихоты! Ветряные мельницы следует атаковать лишь при благоприятном ветре.
- Страшно подумать, что вечность состоит из отчетных периодов.
- Даже когда все рты закрыты, вопрос остается открытым.

Хотелось бы отметить особую роль, которую играла в те годы художественная литература. С 1955 года в СССР стал издаваться журнал «Иностранная литература», благодаря которому советские читатели могли знакомиться с лучшими произведениями зарубежных писателей, причем не только из стран социализма, но и стран Западной Европы, США, Азии, Африки и Латинской Америки.

Где-то в середине 70-х годов я познакомился в Ленинграде с весьма развитым во многих отношениях юношей, который рассказал, что в кругу его общения функционирует сообщество студенческой молодежи под названием СЭВ — Совет эстетической взаимопомощи. Не претендуя на анализ роли настоящего СЭВа в жизни СССР и стран социалистического содружества, считаю, что есть достаточные основания утверждать: СЭВ сыграл очень важную роль для значительной части поколения, к которому я имею честь принадлежать, способствуя ее эстетическому развитию, приобщению к мировой культуре, да и к культуре собственного народа тоже.